Рецензии

Денис Сивков

Право на красоту. Рецензия на книгу: Edmonds A. Pretty modern: beauty, sex and plastic surgery in Brazil. Durham; London: Duke University Press, 2010.

Введение

В социальных науках вообще и в социологии в частности тело долгое время не считалось предметом, достойным пристального рассмотрения. В классической социологической традиции телесность имела свою «тайную историю», а тело характеризовалось «отсутствующим присутствием» [Тернер, 1994; Chilling, 2003]. Одной из причин отсутствия должного интереса к телу принято считать акцент классических макросоциологических программ на больших объектах, таких как государство, нация или классы. В отличие от социологии антропология с интересом относилась к проблематике тела и оказала сильное влияние на появление микросоциологических исследований телесности во второй половине XX века.

Появление интереса к телу в социологии связывают с технологическими инновациями, которые заставляют искать новые языки описания телесности. Помимо искусственного оплодотворения,

Сивков Денис Юрьевич — кафедра философии и социологии ВФ РАНХиГС, доцент, кандидат философских наук. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com. Научные интересы: исследования науки и технологии, социология тела, медицинская антропология, исследование мобильностей.

Sivkov Denis — PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and sociology, Volgograd Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com. Research interests: STS, sociology of the body, medical anthropology, mobility research.

Данный текст написан при подготовке научно-исследовательской работы «Постгуманистические направления социологических исследований: проблемы и перспективы технотелесной гибридизации» (2015 г., ЦСИ РАНХиГС).

протезирования и трансплантации — именно пластическая хирургия часто фигурирует среди явлений, трансформирующих интерес к телу в социальных науках.

Несколько лет назад, рассеяно скользя по телевизионным каналам, я наткнулся на репортаж, в котором рассказывалось о юбилее известной телезвезды, ведущей этого канала. Эта персона была также известна набором пластических операций, которые изменили ее внешность (по мнению обывателей, не очень удачно). Меня удивил месседж репортажа: ведущая все время плакала от счастья, реагируя на поздравления, и рассказывала о том, какая она эмоциональная и т. п. Я вдруг понял, что речь идет о том, что ее трансформированное с помощью технологий и наполненное инородными материалами тело, все же имеет душу, которая выражалась в повышенной эмоциональности. Словно создатели репортажа хотели сказать: ведущая Х — это *не только* тело. Почему вопрос о душе становится важным, когда тело подвергается эстетическим интервенциям? Оказывается, что пластическая хирургия может актуализировать вопрос об отношениях тела и души. На вопрос о соотношении тела и души в современном обществе отвечает книга американского антрополога Александра Эдмондса.

Нация красоты

Бразилия — это не только страна пляжей, футбола, самбы и карнавала. Это третий в мире рынок пластических операций, а также мекка медицинского туризма в области косметической хирургии. В одном из журналов южноамериканскую страну назвали империей скальпеля, а в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу работает самое большое число пластических хирургов на душу населения. В других странах считается, что пластика в Бразилии делается достаточно качественно, недорого по сравнению с США и европейскими странами, и здесь всегда есть возможность провести время до операции и реабилитироваться рядом с океаном.

Александр Эдмондс отправился в Бразилию, чтобы выяснить, почему именно в Бразилии женщины ради красоты хотят радикально изменить свое тело: делать липосакцию, подтяжку лица, уменьшение или увеличение частей тела с помощью имплантов. Более 70% косметических вмешательств в Бразилии делают женщины. При этом постоянно расширяется возрастные границы оперируемых; все больше шестнадцатилетних и все больше семидесятилетних делают операции по изменению тела и становятся *siliconada* (сленговый термин, обозначающий тех, кто сделал пластическую операцию).

В течение нескольких лет Эдмондс беседовал с представительницами высших слоев бразильского общества, со звездами шоу-бизнеса, но в фокусе его исследования были также бедные женщины, жительницы фавел, желающие сделать или сделавшие операцию.

В Бразилии пластические операции делают в государственных больницах по специальной программе. Женщинам обычно приходится ждать несколько лет из-за большого числа желающих, стоять в очередях в больнице и проходить множество бюрократических процедур. Многие из них готовы терпеть трудности, потому что для бразильских женщин операция — это возможность подтвердить право на красоту. В интервью рефреном шло утверждение, что они имеют право сделать пластическую операцию. Этот разговор о праве на красоту на самом деле является разговором о равенстве с более успешными представителями других социальных групп.

Одна из героинь книги 26-летняя Эстер, — жительница фавелы Видигал в Рио-де-Жанейро, мать девятилетней дочери. Эстер работает поваром в доме у пластического хирурга доктора Эдуардо, но мечтает о более квалифицированной работе, которая позволит ей накопить на операцию по изменению формы груди с помощью имплантов.

По наблюдениям Эдмонса, в Бразилии везде чувствуется повышенное внимание к красоте, телу, в первую очередь женскому, эротике. В колониальный период Бразилия противопоставлялась европейской цивилизации и ассоциировалась с «тропическим раем, населенным здоровыми и привлекательными обитателями» [Edmonds, 2010, p. 62]. История становления бразильской национальной идентичности связана с деятельностью ученых и деятелей искусства — представителей модернизма в 1920-х годах, которые приняли активное участие в конструировании таких народных феноменов культуры, как самба и карнавал с их акцентом на телесности. Говоря о формировании повышенного интереса к телесной красоте, Эдмондс замечает, что «взгляд на женское тело играет решающую роль в поиске модерновой идентичности» [p. 65].

Бразилия представляет собой сплав рас, в языке существует сложная терминология, обозначающая цвет кожи. Есть термины стигматизации — *mulata,* относительно нейтральное слово *morena* (коричневый) и *negro* — термин, обозначающий гордость за цвет кожи. В отличие, скажем, от США в Бразилии представители других рас меньше подвергались сегрегации и активно ассимилировались. В этом смысле смешанные расы и коричневый цвет кожи являются составляющей национальной идентичности и предметом национальной гордости. При этом, например, на экранах телевизоров и страницах газет бразильское общество — это общество, в котором доминируют белые.

В Бразилии есть такая поговорка: «Деньги осветляют». Она означает, что «социальная мобильность изменяет восприятие цвета», а «цвет [кожи] зависим и от *социального,* и от *физического* окружения» [p. 132]. В поговорке также говорится, с одной стороны, о том, что определенный цвет кожи и тело является идеалом, к которому стремятся, а с другой — о том, что и деньги, и хорошая внешность облегчают социальную мобильность. Идеалом женской красоты, как выяснил Эдмондс, явля-

ется гибридное тело, к которому стремятся пациентки клиник пластической хирургии. В этом гибридном теле лицо должно быть лицом белой женщины, а тело — *morena.* «Разделение между лицом и телом может также воспроизводить расовые сексуальные стереотипы. Если лицо больше идентифицируется с личностью, то оно также логически является индикатором социального статуса. В большей степени ассоциируемое с чувственностью, тело представляется как черное, смешанное или просто как *национально* бразильское. Такая иерархия также предполагает, что работа красоты по осветлению фокусируется на лице. Что касается волос, кажется, культурное правило в том, чтобы быть прямее и светлее <...> Разделение также отражает разделение между сферами популярной культуры: более белый мир теленовелл, моды и рекламы и более смешанный мир музыки, религии, танца и спорта» [p. 143,150].

Одним из канонов национальной бразильской красоты является тело, которое можно часто видеть у танцовщиц на карнавале: небольшая грудь, узкие бедра и большие ягодицы. В этом смысле национальной особенностью являются операции не по увеличению, а по уменьшению грудных желез. Женщина Реджина объясняет Эдмондсу свое решение уменьшить грудь: «Потому что маленькие груди создают наилучшую комбинацию с бразильской структурой [тела]. Смотрите, у нее уже большая *bunda* [сленг — зад] и узкие бедра. Мы отличаемся, например, от американок, у которых большие груди. Когда у тебя большая грудь, то [у нас] это слишком» [p. 137-138].

Plástica как психотерапия

Наиболее распространенное объяснение того, почему женщины прибегают к услугам пластических хирургов, во многом, кстати, культивируемое самими хирургами, заключается в том, что изменение тела связано с повышением самооценки. В этом смысле пластическая хирургия считается терапевтической технологией. Отец бразильской пластической хирургии Иво Питанги называл себя и своих коллег психологами со скальпелем в руке. После операции во время восстановительного периода и на фоне тех или иных осложнений хирург ведет серьезную психотерапию, связанную с самооценкой нового облика у пациента. Помимо страданий от различных осложнений у пациентов может развиваться так называемая дисморфофобия — психическое расстройство, связанное с озабоченностью особенностями или незначительными дефектами тела. Эдмондс подчеркивает, что желания пациентов «формируются через взаимодействие с профессионалами... Терапевтический процесс *plástica* не просто объективное оценивание дефектов, не пассивное выслушивание «недовольства»; скорее, это *переговоры* между экспертизой хирурга и тревогами, и желаниями пациента» [p. 100].

Этот важный момент связан с тем, что представление об эстетическом здоровье, а лучше сказать, само эстетическое здоровье, оценка и удовлетворенность обновленным внешним видом конструируется в разговоре врача и пациента. В биомедицине известны случаи, в которых речь идет о совместном конструировании диагноза [Mol, 2002, p. 23-24], здесь же речь — о результате, об эффекте лечения. Понимание пластической хирургии как психотерапии не только позволяет выявить связи между телом и душой (хирургическое воздействие на тело лечит душу), но также позволяет говорить о возможности отождествлении тела и «я» в повседневных практиках. Личность редуцируется к телу, а *plástica* является «средством видеть тело и работать над телом как над я (self)» [Edmonds, 2010, p. 117-118].

Антрополог Эдмондс идет дальше психологических объяснений медиков и пытается искать более сложные социальные контексты этиологии эстетических вмешательств. В госпитале Санта-Каса по пятницам проводилась планерка или конференция, на которой обычно главный хирург выступал перед интернами и младшими специалистами. Обычно на конференции обсуждаются интересные случаи, техника, диагностика и т. п. Выступление предваряет общение с пациентом. Людмиле 17 лет, у нее избыточный вес, она хотела сделать подтяжку и уменьшить грудь. Были высказаны три совершенно разные причины проведения пластической операции: боли в спине, низкая самооценка и бедность. О боли в спине и низкой самооценке говорила мать Людмилы.

Доктор Альфонсо обратил внимание на то, что у нее избыточный вес, и если она похудеет, то похудеет везде, а грудь после операции и потери веса снова обвиснет, поэтому лучше подождать, похудеть до требуемого веса и потом делать пластические процедуры. Девушка воскликнула: «Подождать? Я ждала в очереди три года!» [p. 102]. После осмотра, когда Людмила ушла, доктор обратился к хирургам: «Я была жирная, я жирная, я всегда такой буду». Я сделал все. А она? Она некрасивая. У нее низкая самооценка, и она бедная. И как вы думаете, она похудеет? Причина, по которой мы ее оперируем, не в спине. Она сутулится не потому, что у нее тяжелая грудь, но потому что она стыдится. Ее принципиальная болезнь — бедность» [p. 103]. Доктор Альфонсо в данном случае продемонстрировал нетипичный для Бразилии взгляд. Как уже было отмечено, бразильские пластические хирурги рассматривают свою практику как терапевтиче- скую, считая, что они с помощью скальпеля лечат душу.

Итак, доктор Альфонсо опровергает две версии реальности в пользу нетипичного социального объяснения, осуществляя биомедицинскую редукцию, которая сглаживает множество диагнозов. Антрополог Александр Эдмондс не видит здесь *множественной* реальности, однако он предлагает ее рассматривать как комплексную: «Я рассматриваю эстетические дефекты не только в качестве продуктов дисгар-

монии пациента и его собственного образа, на что указывает Питанги (1958), но в качестве симптомов большего социального расстройства. Пока хирурги верят, что эстетический дефект в душе пациента, и предполагают, что они лечат психосоматическое расстройство, эстетический дефект также является *социосоматическим* [Kleinmann, Becker, 1998, p. 292]: он произведен соединениями между умом, телом и обществом» [Edmonds, 2010, p. 103-104]. По сути, здесь антропологическое объяснение уходит от множественной реальности в сторону социологической и редукционистской трактовки заболевания.

Лиминальность

Для бразильских женщин пластическая операция предоставляет возможность изменить свою жизнь к лучшему. В Бразилии считается, что пластическая операция означает принадлежность среднему классу: «Тот факт, что многие бразильцы делают косметическую хирургию, означает, что все больше бразильцев становятся средним классом» [Edmonds, 2010, p. 16].

Итак, прежде всего женщины, считают, что *plástica* может повлиять на их трудовую мобильность. Героиня книги Жизель говорит о жизни после операции: «Я была счастлива. И я стала много работать. Я могла делать работу, которую не делала до этого. Например, рекламировать белье» [p. 106]. Очевидно, пластическая хирургия делает тело объектом притяжения не только мужских взглядов. Пластика в Бразилии — мерило экономического и социального успеха и даже своего рода маркер известности: «После получения силиконовых имплантов Кларисса сказала: «Никто в моем кругу не видел *plástica* до этого. Представляете, какая странность! Они заходят ко мне, говоря: «Дай посмотреть, дай посмотреть! Можно потрогать?» [p. 73].

Пластические операции зачастую совершаются женщинами для обозначения или в процессе «ритуалов перехода» [Ван Геннеп, 1999], определяющих основные этапы женской жизни: взросление, беременность и рождение ребенка, кормление грудью и менопауза. Часто пластические операции сочетаются со стерилизацией, когда многодетные матери решают радикально изменить не только свой внешний вид. Кроме того, изменение тела связано с инициацией, переходом во взрослую жизнь, а также с браком, разводом и старением в социальном смысле. Как замечает Эдмондс, «менструация становится точкой отсчета (ground zero) для *plástica*, минимальный возраст для хирургии рассчитывается с времени первой менструации пациентки. После менопаузы подтяжка лица повышает самооценку. Изменение контуров тела может совмещаться со стерилизацией» [p. 184].

Лиминальность определяет изменения, которые происходят с женщинами после пластических операций. Одна из женщин, с ко-

торой беседовал Эдмондс, Татьяна, полагает, что *plástica* повышает женское либидо: «Я уже видела много женщин, делающих пластическую хирургию после ребенка, и потом... они снова забеременели. Прямо после операции. Чувствует себя прекрасной, чудесной, у нее либидо растет в голове, и она забеременела!» [p. 189].

Заключение: неопределенность тела

Александр Эдмондс полагает, что причины эстетического вмешательства имеют комплексный характер. На примере беседы с Претой Жил — популярной певицей, дочерью известного музыканта и бывшего министра культуры, видно, что пластика позволяет женщине реализовать множество стратегий. Прета сделала много разных процедур и рассказывала, что это не было связано с карьерой: «Нет, я делала первую до того, как я начала [карьеру]. Я думаю, *plástica* стала банальной. Например, я сделала себе три плюс три липосакции. Я никогда не связывалась со своим лицом. У меня был малыш. Я кормила грудью, а так у меня импланты, я делала абдоминальную хирургию — убрать дряблую кожу, и у меня была [еще одна] липосакция. Это было *banana* [круто]. Это помогает мне, делает счастливой» [p. 39]. Здесь заметна поливалентность, связанная с причинами пластических процедур. Эдмондс обращает внимание на то, что в случае с Претой имеет место не только эстетический и терапевтический эффект, но также консюмеризм, связанный с превращением тела в товар: «*plástica* также была правом, связанным как с ее карьерой, так и с ее опытом материнства» [p. 41].

Отношение к пластической хирургии в Бразилии неоднозначно. *Plástica* является объектом насмешек, иронии и фольклора. Гротескное изображение выражается во множестве сленговых словечек. Наряду с *siliconada* используют *made-in-cirurgia* — «сленговый термин, в котором присутствует игра слов между имплантацией, Соединенными Штатами и *man-made*, — ненатуральной красотой» [p. 71-72]. Постоянно говорится об опасности процедур для здоровья, о тех или иных проблемах после операции: «Пластическая хирургия ассоциируется со множеством рисков и осложнений. Липосакция может стать причиной язвы желудка или отека легких. Ткани вокруг грудных имплантов могут твердеть. Подтяжка лица может привести к некрозу кожи и инфекциям. Кома и смерть всегда представляют риск в процедурах, предполагающих анестезию» [p. 94]. Кроме того, *plástica* нередко считается банальной и немодной как среди мужчин, так и среди женщин Бразилии.

Операции, которые изменяют части тела, приводят к тому, что Эдмондс в русле неомарксистской традиции называет коммодификацией и фетишизацией: тело оказывается совокупностью частей, каждая из которых может изыматься и замещаться в прямом и переносном смыслах. Тело постоянно подвергается визуализации, кван-

тификации и фрагментации через определение возраста, стоимости процедур, суммы калорий, веса и размеров своих частей [p. 68]. Трансформации таких неокартезианских тел могут затруднять отождествление тела с «я» и полаганию его чем-то целым [Hacking, 2007].

Итак, с одной стороны, тело отчуждается от личности, с другой — через пластическую хирургию оно становится предметом любви. В книге «Прекрасный модерн» юная пациентка пластического хирурга Флавиа смотрит на себя в зеркало и говорит: «Я себе нравлюсь, я люблю себя. Мне нравится смотреть в зеркало и говорить, что я люблю себя, я обожаю себя, я прекрасна» [p. 237]. Выходит, что отождествление «я» с телом является ситуативным; каждый раз связь тела и «я» зависит от разных факторов.

Пластическая хирургия меняет не только тела, но также воздействует на понимание того, что такое тело. В частности, меняется базовая оппозиция природы и культуры, которая позволяла иметь определенный опыт тела. Если в классическую эпоху косметика и отчасти мода, а также другие техники тела считались принадлежащими к культуре, а данное и неизменное тело — к природе, то теперь тело перестает быть естественным объектом. Этнографические данные, представленные в книге «Прекрасный модерн», убедительно показывают, что пластическая хирургия ставит под вопрос определенность природного и культурного в теле и делает тело неопределенным и гибридным объектом.

Библиография

Геннеп, ван А. (1999) *Обряды перехода,* М.: Восточная литература.

Тернер Б. (1994) Современные направления развития теории тела. *Thesis,* 6: 137-167.

Hacking I. (2007) Our neo-cartesian bodies in parts. *Critical inquiry,* 34: 78-105.

Mol A. (2002) *The body multiple: ontology in medical practice,* Durham and London: Duke University Press.

Schilling C. (2003) *The body and social theory.* Second ed., London: SAGE Publications.

References

Gennep van A. (1999) Obrjady perehoda [The Rites of Passage], M.: Vostochnaja literatura.

Hacking I. (2007) Our neo-cartesian bodies in parts. *Critical inquiry,* 34: 78-105.

Mol A. (2002) *The body multiple: ontology in medical practice,* Durham and London: Duke University Press.

Schilling C. (2003) *The body and social theory.* Second ed., London: SAGE Publications.

Turner B. (1994) Sovremennye napravlenija razvitija teorii tela [Recent Developments in the Theory of the Body]. Thesis, 6: 137-167.